

ОПЯТЬ О ДЕТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ-2015

Александр Трапер, *руководитель детской общественной организации «Форпост культуры»*

Михаил Эпштейн, *генеральный директор АНО «Образовательный центр «Участие», г. Санкт-Петербург*

Пусть безобразно, главное, чтоб однообразно!!!

С 2015 года в стране снова начинается эксперимент по созданию единой детской организации, объединяющей всех (ну, или большинства) ребят школьного возраста. Эти попытки сопровождаются словами о том, как замечательно было, когда была пионерская организация, какой был охват масс детей, как не было детской преступности... А ещё к этому добавляются слова о том, что и проблем с подростковой наркоманией не было и СПИДа не знали... И всё это как бы заслуги именно единой детской организации, охватившей своим вниманием почти всех ребят Советского Союза...

Попробуем отделить мух от котлет и спокойно разобраться, что есть что.

Мифы об успешности пионерской организованности

Конечно же, представлять, что вот, мол, была единая пионерская организация, и не было проблем с наркоманией, преступностью и СПИДом, это, в лучшем случае, заблуждаться. Понятно же, что время было другое, не было такой открытости общества, границы были жёстче закрыты, государство было не просто твёрдым — железобетонным, пресса не имела возможности такого разгула, как сейчас, вот мы и ничего не слышали об этих проблемах, да и не имели их, конечно, в таком объёме, как нынче.

Главный миф про пионерскую организацию состоит в том, что пионерская организация делала много полезных дел. Никаких многих полезных дел ОРГАНИЗАЦИЯ не делала! Дела делали конкретные люди. Всё держалось на людях, которым интересно было работать с ребятами и которые умели это делать. Они уже были вынуждены подстраиваться под соответствующую идеологию, организацию, поскольку, с одной стороны, находиться вне государственной идеологии было почти невозможно, а, с другой стороны, каналы добывания денег на работу с детьми были резко ограничены, и пионерская организация была одним из основных таких каналов. Сутью, сердцевиной той педагогической жизни были взрослые, работающие с детьми, им уже было предложено облекать свою реальную жизнь с ребятами в соответствующие условные формы. Недаром внутри этой пионерско-комсомольской организации зародилось коммунарство — как попытка внутри той же системы перестать жить формально — и очень скоро практически «выломилось» из структуры.

Ведь что такое была пионерская организация? Она появлялась в жизни подростка с приёмом его в пионеры и заканчивалась для ребят с приёмом в комсомол (или окончанием 8 класса). Для многих, очень многих, на самом деле этими двумя актами пионерская организация и ограничивалась. Ещё она возникала тогда, когда учителям надо было за что-то поругать ребят. Тут же всплывало, что ученик оказывается ещё и пионер, и ему говорили: «Ты же пионер, как ты можешь ... не приносить дневник в школу...». И всё.

И только там, где был дельный взрослый, там возникало ДЕЛО, вокруг которого собирались дети и взрослые. Но вся махина всесоюзной пионерской организации здесь ни при чём. Это было личное дело этого взрослого и этих конкретных детей. И только там, где складывались такие доверительные отношения между взрослыми и детьми, можно было говорить о настоящем воспитании... При чём здесь организация?

Эта работа всегда была уделом энтузиастов. Никакая организация не могла «сверху спустить» настоящего педагога и заставить его установить доверительные отношения с подростками. Появлялся человек, были у него интерес и опыт, было желание возиться с ребятами — складывалось сообщество, нет — ничего не получалось. И вот только усилиями таких энтузиастов (вожатых ли, классных ли руководителей, просто учителей, руководителей клубов...) создавались реальные детские коллективы. И было их не очень много (вы много можете назвать реальных детских коллективов, с которыми вам удалось столкнуться в детстве?). В большинстве же своём вожатые, «направленные на работу в пионерскую организацию», всё это воспринимали достаточно формально и просто весело переживали период между школой и поступлением в вуз.

И вот когда МАШИНА Единой детской организации рухнула, не стало подпорок — статусных, финансовых, — исчезли и эти «пионерские комиссары». И стало понятно, «кто есть кто» и сколько же было на самом деле педагогов, работающих с детьми не ради галочек и званий, а по призванию. Потому как эти «временные» исчезли, а те, кто с детьми работал, те в большинстве своём так или иначе продолжают действовать. И стало вдруг видно, как их на самом деле мало. И как невелики «ряды» таких сообществ. (Но другого и быть не может — где вы видели душевное общение 1000 подростков, объединённых общими ценностями, делом, отношением к миру и себе? Только разве что на футбольном поле или на концерте поп-звезды. Но вряд ли модель жизни такого сообщества долговременна и желанна как идеал.) Но они при всём при том живут и действуют! А если ещё и деньгами им помогут и отстанут с бумажками и проверками, то будут ещё лучше и больше работать. А, может быть, тогда и вернётся к детям кто-то

из тех взрослых, кто в своё время вынужден был уйти из педагогики от безденежья и бесправия. И всё. Ничего другого не бывает. Никаких единых организаций — только увлечённый взрослый и доверяющие ему дети.

И ничего существенного в этом смысле не изменилось. И никакое отсутствие идеологии (которая, мол, раньше у нас была, а теперь нет) здесь ни при чём. Если у человека были идеи про работу с детьми, то они и сейчас есть, и, скорее всего (если ему не очень мешают), то он с детьми и работает. Что такое «отсутствие общей идеи»? Ну да, идеологической показухи в 1990-е годы стало меньше (хотя последние годы опять становится всё больше). А идеи у тех, у кого были, и остались. Вот тем, у кого не было своих идей, и собственные убеждения заменялись пропагандистскими лозунгами, тем действительно сейчас, наверное, непросто. Что это за идеи такие особые, которые не у конкретного человека родились и ценны и важны для него, а государством ему сообщаются, а он «берёт под козырек» и начинает им служить?

Итак, конкретный взрослый и конкретные подростки, доверяющие друг другу, и их друзья и знакомые, единомышленники, объединённые общими ценностями и общим делом — вот что такое детско-взрослое сообщество, вот что именно нужно в подростковом возрасте человеку для нормального развития.

Все остальные любые надстройки нужны лишь только для того, чтобы помогать этим сообществам жить. В таком и только в таком залоге можно говорить, создавая какие-либо структуры, если мы это делаем для детей.

Иначе мы это делаем для взрослых, ради упрощения механизмов управления или манипулирования массами. Понятно, что это тогда уже нужно взрослым, а не детям.

От сообщества к организации

Стремление жить в своём сообществе — характерная черта подростков. Причём в таком сообществе, где тебя принимают; в котором есть особые правила жизни, которые хочется соблюдать, и, в том числе, создавать эти правила самим. Что отличает такие детско-взрослые сообщества: общие ценности (часто несколько отличные от массово-принятых); общее дело (чаще всего чем-то полезное и для других); дружеские доверительные отношения (в том числе между ребятами и взрослыми, входящими в одно сообщество); добровольность участия; жизнь, организуемая «своими руками».

Соответственно, чаще всего в таких сообществах возникают свои символы, законы (правила) жизни, ритуалы, придуманные самими детьми. Иногда они начинают называть себя организациями. Границы между детско-взрослым педагогическим сообществом (понятно, что может быть и непедагогическое сообщество — скажем, преступное, но это мы сейчас не обсуждаем) и детским объединением, организацией достаточно размыты, возникают, скорее, из области педагогических определений, но при этом достаточно существенны для нашего обсуждения. Попробуем в них разобраться хотя бы в первом приближении.

Интуитивно понятно, что когда у какого-то сообщества начинает складываться более-менее стабильный круг участников, растёт их число, более организованной становится деятельность, возникает некоторая степень формализации, например, в том числе, своя форма, ритуалы, правила..., то можно говорить о том, что неформальное сообщество начинает перерастать в детское объединение, организацию.

Но основным, на наш взгляд, критерием (показателем) этого перехода (от неформального сообщества к детской организации) является необходимость для сообщества в выходе за границы своего круга, в ведении какой-либо деятельности, полезной для других.

И в этом смысле пора реабилитировать «старинный» термин — общественно полезная деятельность — деятельность, полезная для общества, окружающего нас, нашей общины, тех людей, что живут рядом с нами...

При этом считаем важным обратить внимание на следующее. Существует принципиальная разница в подходах к организации детской и организации взрослой. В детской организации (в отличие от взрослой) остаются очень условными формальные границы участия, членства, не является регулярным количество участников (интересы и дружеские предпочтения у ребят могут меняться довольно часто). Для детской организации типичны некоторая временность её действия (не многие детские организации умудряются жить более 10–15 лет), текучесть участников. И это нормально, поскольку ребята приходят в такую организацию скорее не ради реализации высших целей (как, скажем, приходят взрослые в организацию, партию, движение), а скорее ради поиска интересного, дружеского, доверительного общения. Пытаться строить детскую организацию по аналогии с взрослой, с использованием тех же механизмов и процедур — значит изначально разрушить педагогические эффекты от жизни детей в сообществе и обречь себя на неудачу (то есть, конечно, если хочется не шумную пустышку создать, а именно конкретным детям помочь).

Территория свободы детских объединений

В каком временном и территориальном пространстве могут действовать детско-взрослые сообщества, детские организации?

В некотором смысле всё детское время и пространство делится на две большие части — в школе и вне её. В раздел «вне школы» могут входить семья, двор, фирма и т.д., но мы ограничимся «педагогически-

организованными» местами, где могут *работать* (в смысле более-менее официального педагогического места работы) взрослые, заинтересованные в помощи подросткам. Это клубы, дома детского творчества и т.п. Теперь к этому списку прибавились и различные негосударственные некоммерческие организации. Все они реально могут действовать только в пространстве досуга — во времени и пространстве, которых не занимает школа, — в дневное и вечернее время будних дней, в выходные дни, в каникулы. Это время, которым ребёнок (и его родители) распоряжаются самостоятельно, именно здесь подросток может принять самостоятельное решение: участвовать — не участвовать, ходить — не ходить, заниматься — не заниматься.

В школе, конечно же, такой выбор сделать сложнее.

Вряд ли в «традиционной» школе может возникнуть реальное сообщество, самостоятельно организующее свою жизнь. Вся суть, весь механизм школы направлены против этого. И, тем более, создание «сверху» в такой школе детской организации не принесёт верного педагогического эффекта, а будет лишь очередной «формальной фишкой», которую администрация школы будет использовать по своему усмотрению, как это было с пионерской организацией в доперестроечные годы.

Те редкие школы-исключения, где есть своя жизнь, где возникают и поддерживаются неформальные сообщества, где есть свои культивируемые ценности, правила и символы коллективной жизни, лишь подтверждают правило. В таких школах ребята могут находить возможность общения со сверстниками и после школы. В таких школах в сообщества дети вступают добровольно, а не по обязанности. Тем самым, создавать в таких школах какие-то ещё организации «сверху» бессмысленно, они и так сами всё грамотно сделают и будут дружить с подобными же школами. Здесь атмосфера коллективной жизни является важной составляющей образовательной программы школы. Но таких школ, мягко говоря, немного. В большинстве же школы не обращают внимания на такие «мелочи», но в них тем более нельзя создавать детские организации «сверху» — всё будет исполнено «по полной программе».

Вернёмся к «внешкольному» времени. Сейчас практически вся педагогическая деятельность «вне школы» называется дополнительным образованием. В таком «сливании» многочисленных и многообразных маленьких ручейков и больших, вполне полноводных рек в единое русло «дообразования» кроется опасность для социальной жизни ребят. Ведь что является базовой единицей системы дообразования? Кружок, где ребята чему-то учатся. Опять учатся, а не живут. И сейчас система образования всё сильнее и настойчивее начинает накладывать на внешкольную жизнь схемы жизни школьной (в основе своей имеющую классно-урочную систему) — фиксированное количество учеников, финансирование по часам занятий, программы, образовательные стандарты. Это же катастрофа для досуговой, самодеятельной жизни ребят (и заинтересованных взрослых тоже, между прочим)!

Если раньше Дома пионеров (детского творчества) были хоть какой-то отдушиной для детей и взрослых, уставших от заорганизованности, распланированности, полной контролируемости школы, то сейчас и эта территория свободы практически оккупирована ШКОЛОЙ, в смысле структуры организации жизни. А жизнь реальную, многообразную, которой живут в своих сообществах дети и взрослые, очень сложно вписать в заранее запланированные часы и стандарты.

Этапы большого пути

Как может прорасти внутри «дополнительного образования» коллективная, самостоятельно организуемая жизнь? Можно говорить о трёх состояниях детского сообщества в «дополнительном образовании»: кружок — клуб — отряд (организация, объединение).

В кружок ребёнок приходит, чтобы самому чему-то научиться. Это и есть до-

полнительное образование. И в большинстве случаев кружок остаётся кружком — определённые знания и навыки получены и хорошо, спасибо. Там, где взрослые ставят перед собой и другие цели, кроме прямой передачи знаний, на почве этого обучения, на основе общности предметно-содержательных интересов возникает общение вне занятий, свой внутренний язык, свои условности и правила жизни, придуманные ребятами, — там возникает клуб. А вот когда клуб начинает выходить на активную деятельность вне себя и своих членов, задумывается о представлении своей деятельности другим, начинает каким-то образом через свою работу влиять на окружающую жизнь, здесь уже можно говорить о появлении отряда, организации. И дело, конечно же, не в формальном названии, а в состоянии сообщества, в его целях, ориентирах, ценностях, духе, возможностях.

Ведь, на самом деле, подросткам для выращивания в себе самостоятельности и умения жить в своём сообществе нужен «тимуровский чердак», где будет не установленный кем-то казенный порядок, а собственный, ими организованный. Естественно, он не всегда будет совпадать с представлением о порядке у взрослых — директора, сотрудников СЭС, пожарных, но зато это будет свой мир. И выстроенный своими руками. Приятно ли вам будет, если в мир вашей семьи, заботливо формируемый вами, где вы пытаетесь наладить свой порядок, вам удобный и важный, придёт тетя из СЭС и скажет, что можно есть, а что нельзя, какой посудой пользоваться, а какой нет, или какой-либо методист, который распишет — в какие часы что вы в вашей семье должны будете делать? Вам приятно будет жить в такой вроде бы всё ещё вашей собственной семье, в собственной квартире? Слава богу, пока эти службы ещё не очень могут влиять на организацию нашей приватной семейной жизни.

Таким же образом классно-урочные требования к организации жизни кружков и клубов в рамках «дополнительного образования» только мешают выращиванию клубности, со-

общности, самостоятельности в управлении своей жизнью и ведению общественно полезной деятельности. И если деятельность «кружково-обучательная» поддерживается через финансирование «дополнительного образования», то и также точно должно поддерживаться стремление кружков вырастать в клубы, организацию клубно-общной жизни ребят, выход за рамки узких учебных границ «дополнительного образования». Мы бы сказали, что здесь как раз и нужна специальная государственная программа поддержки подростковых сообществ.

Но это уже речь о другом — а как же всё-таки государству поддерживать такие сообщества, клубы, организации, если не создавать единую детскую организацию?

Как им помочь

Как мы уже говорили выше, вряд ли возможно более-менее долговременно активно действующее детское сообщество без того или иного участия заинтересованного, сочувствующего, умелого взрослого (история с Тимуром и его командой не в счёт). Соответственно, нужны взрослые, которые смогут либо подхватывать детские инициативы и помогать им развиваться, либо теми или иными путями инициировать появление детских сообществ. Таким взрослым надо помогать в первую очередь финансово, а также обучением, контактами. Не мешать их работе, которая, естественно, часто никак не вписывается в устойчивые бюрократические рамки, а, понимая всё своеобразие этих людей (не каждый ведь готов начать с ребятами ЖИТЬ — не учить их — а жить с ними, а именно этого требует жизнь в сообществе), поддерживать их. Именно в этом заключается настоящее умение прозорливого администратора — найти таких людей и поддерживать их.

И не надо создавать единую организацию со своей идеологией, правилами и атри-

бутами жизни, в которую все должны будут формально вступать, а жить при этом вполне своей жизнью. И идеи (в том числе вполне общественно полезные), и правила жизни, ребята с взрослыми «найдут» сами. Надо поддерживать уже имеющиеся и появляющиеся новые инициативы. Помечтаем. Считаем, что нужно создавать «сервисные центры», которые будут обслуживать такие детские сообщества. Не указывать им, что делать, а *обслуживать*.

Что значит обслуживать, какая помощь нужна детским сообществам? Финансировать ставки взрослым, готовым с тем или иным детским сообществом работать; помогать с поиском помещений; помогать с техникой и оборудованием; организовывать обучение взрослых. Такие сервисные центры должны финансироваться государством, их услуги должны быть практически бесплатными для ребят (ну и для педагогов желательно). А отношения с детскими сообществами должны строиться на договорных отношениях, в частности, на условии оказания встречных услуг данным сообществу, центру или, что правильнее — системе образования, детям и подросткам той местности, где такой центр и эта организация действуют и живут. В этом смысле такой центр будет выступать в роли представителя государства в этой сфере, регулирующего её через систему заказов, конкурсов, договоров и взаимных обязательств.

В такой центр могли бы обращаться дети, которые сами создали своё сообщество, и им нужна помощь; приходить взрослые со своими идеями; сюда могут обращаться школы, желающие создавать на своей базе детское сообщество, и которым необходим опытный педагог и методическая помощь в такой работе. Во всех таких случаях должны заключаться договора о взаимных правах и обязанностях. Например, сообществу школа предоставляет помещение для занятий и встреч, а оно, в свою очередь, обязуется помогать школе в организации той самой внешкольной жизни. Или — центр направляет в школу взрослого педагога, который начинает там работать с внешкольным коллективом. И такой взрослый должен быть не штатным сотрудником школы, а являться сотрудником центра (где и получать зарплату) и в этом смысле оставаться независимым от педагогического коллектива, и тем самым иметь возможность отстаивать интересы не об-

учения, а коллективной самодеятельной жизни детей. А здесь интересы школы и детской организации, даже без злого умысла, могут сталкиваться. (Опять же оговоримся, что школам, которые считают, что жизнь в сообществе должна быть частью школьной жизни, конечно же, нужен свой человек в штате, но у них и другие задачи, и могут быть другие отношения с таким центром.) Детское сообщество, получающее поддержку от такого сервисного центра, может, в соответствии с договорённостями, оказывать местным муниципальным властям какую-либо помощь, например, по организации внешкольной дворовой жизни детей данного микрорайона. И т.п. Такие договорные отношения между государственным центром и детско-взрослым сообществом реальны, ведь для их заключения не обязательно регистрировать организацию официально. А с идейной и организационной точки зрения они принципиальны. Тогда и будет возможность, с одной стороны, поддерживать реальную общественную инициативу, не навязывая ей своих идеологических и организационных установок, а с другой стороны, как-то управлять этими процессами, что, конечно же, важно для государственных органов.

Нужно только, чтобы работа таких центров отвечала определённым принципам. Укажем, на наш взгляд, самые актуальные из них: прозрачность и открытость процедур выбора поддерживаемых сообществ, толерантность критериев такого выбора. Конечно же, встанет вопрос — поддерживать всех, кто пришёл, или как-то выбирать. И если выбирать, то как. Думается, что так или иначе следует поддерживать всех, кто в состоянии удовлетворить определённым критериям. Над критериями такого отбора ещё стоит думать. Понятно, что их не должно быть много. Некоторые можем для завязки дискуссии уже сейчас предложить: добровольность участия в сообществе для ребят и взрослых; выраженная общественно полезная направленность;

информационная открытость деятельности организации/сообщества; естественно, соблюдение законов; желание и умение действовать в рамках договорных отношений. Наверное, не так уж и сильно можно расширить этот список критериев, по которым стоит определять — поддерживать приходящее за помощью и сотрудничеством детско-взрослое сообщество или нет.

Таким образом и будут существовать очень разные, каждое со своим лицом и особенностями, детско-взрослые сообщества. Зависеть их «разность» будет, конечно, от разности интересов тех взрослых и детей, что в них участвуют. При этом общее у них всё же тоже будет — это сообщества, в которых дети будут не пассивными участниками и слушателями, а активными созидателями, строителями, собственной жизни и жизни окружающего мира.

Единиться — не единиться? Или кому же всё-таки это нужно?

Должны ли такие разношерстные сообщества объединяться в более крупные объединения и организации? Не ДОЛЖНЫ, но МОГУТ. И, наверное, в каких-то случаях, где-то это будет оправдано, где им это будет нужно. Но этот процесс должен быть сугубо добровольным и быстрым. Ведь, такое объединение может произойти лишь на основе идейного, ценностного, содержательного единства нескольких сообществ/организаций. А такое единство проверяется не за несколько дней на общем съезде, а годами совместной работы. Кроме того, надо понимать, что поскольку на «индивидуальность, штучность» таких сообществ оказывают сильное влияние их «штучные» лидеры, то объединения такие скорее состоятся если не на основе, то уж точно с учётом личных взаимных симпатий

лидеров, а не на основе каких-то формальных критериев. Кроме того, всё равно мы уверены, что всё-таки основная повседневная, та самая важная для подростка жизнь будет проходить в его родном сообществе, организации. А объединение организаций нужно скорее для решения уже больших задач — финансовых, координации совместного общения и деятельности...

И формы таких объединений могут быть (и уже сейчас есть) очень разными. Очень разными, кроме одной — в форме единой детской организации.

Что же получается — кому нужна единая детская организация?

Выясняется, что детям не нужна. Взрослым, реально работающим с детьми, объединение в форме единой организации не нужно. А кому же нужно? Видимо, чиновникам от образования и молодёжи как дополнительный инструмент влияния, чтобы проще было управлять и отчитываться. Наверное, политикам — для своих политических целей. В частности, для упрощения продавливания в народ нужной им идеологии.

Ну тогда нужно честно так и говорить, а не прикрываться якобы интересами детей, наркоманией и СПИДом. Уверены, что появление такой единой организации принесёт только вред — детям и действующим педагогам. Поскольку опять реально существующие инициативы придётся в поисках поддержки встраивать в заданные формальные, в том числе идеологические, рамки. Что тут же породит двойную мораль. А полезна ли двойная мораль для воспитания подрастающего поколения? **В.Ш**

Санкт-Петербург, декабрь 2015 г.